ВОРОНЪ

№ 1. 1906 г.

ЦѢНА 10 КОП.

4101764

СКАЗКА.

За тридевять земель, в тридесятом царствѣ, не в нашем государствѣ, жил-был царь.

Царь был добрый, но, как всегда полагается, совѣтники всѣ у него были недобрые, своекорыстные, властолюбивые.

Они постоянно враждовали друг с другом, добивались все большей власти, угодничали перед царем, восхваляли его мудрость, справедливость всѣх его распоряженій, превозносили его славу.

А сами потихоньку обдѣлывали свои мелкія и крупныя дѣлишки и забрали всю власть над страной.

Народ изнывал под властью вельмож-бояр, но подѣлать с ними ничего не мог.

И рѣшил народ свернуть их. Он догадывался, что царь не знает ничего совсѣм об их злосчастном житьѣ-бытьѣ; он был увѣрен, что если бы царь узнал про их нужды, он немедленно бы удовлетворил их.

И посылал народ прошенія царю, да злые вороги народные, вельможи-бояре, перехватывали эти прошенія.

И посылал народ своих выборных к царю, чтобы лично доложить ему о своих худобишках. А злые вороги народные, вельможи-бояре, поняли, что если до царя дойдет правда, то не сдобровать им.

А поняв это, они рѣшили дѣйствовать.

Донесли они царю, что народ идет к нему с злым намѣреньем, что лишить-де тебя, царя-батюшку, твоей власти государственной, подѣлить меж собой землю поровну. Ты не вѣрьде им, твоим ворогам, а повѣрь ты нам, вѣрным подданным.

Испугался царь, не велѣл никого допускать к нему, а вельможи пусть сами переговорят с народом.

Вельможи поусердствовали и приняли посланных от народа с честію, с салютом из ружей.

От личнаго доклада царю жизнь нѣсколькихъ тысяч подданных его сразу измѣнилась к лучшему: перестали они голодать и холодать, бросили свои жалкія лачуги и поселились там, идѣ же нѣсть болѣзней, печалей, ни воздыханія.

Но жизнь других ничуть ни улучшилась, только понял теперь народ, что ничего не добьется он просьбами.

И поднялся он, как один человѣк, не с пустыми руками теперь, а с дреколіем и оружіем. Хоть и темен был народ в том царствѣ, да спасибо добрым людям: научили они его уму-разуму, разъяснили ему, что вельможи обязаны дать ему возможность жить лучше, не умирать с голоду, да с холоду, без больниц, без докторов, быть темным, безправным быдлом.

Разъяснили ему, что тогда только народ будет жить хорошо, когда не вельможи одни, его злые вороги, будут управлять им, обирать его, а сам народ со своим царем-батюшкой будут издавать законы для себя, облагать податью.

И поднялся народ.

Испугались вельможи, бояре знатные. Не хочется им лишаться своей могучей власти, не хочется разставаться с насиженными мѣстами да богатыми окладами.

И внушили они царю-батюшкѣ, что это все бунтует небольшая кучка, а не весь народ; что народ идет только по почину этих бунтарей; что бунтарей этих ничѣмнеудовлетворишь. Вот только бы расправиться с этими бунтарями, тогда и весь народ успокоится; правда, народу мало земли, вот он и недоволен, но это ничего.

— Не вели казнить, вели слово вымолвить,—говорит один из бояр его.—Одѣли землей ты народ честной; у тебя вѣдь есть много лѣсу, болот; а за землю возьми ты выкуп небольшой, да разсрочь ты его на сто двадцать лѣт. И народ тогда будет предан тебѣ, не послушает он твоих ворогов, перебьет он сам бунтарей лихих, и настанет у нас снова тишь да гладь!

Послушал царь умнаго, но хитраго совѣта; рѣшил надѣлить народ из своихъ государственных многочисленных имѣній; правда, не задаром, а за крупную сумму, бо́льшую стоимости земли, но только с разсрочкой на сто двадцать лѣт.

Но удивительно упрям и глуп оказался народ в том царствѣ: он ничуть не успокоился, не перебил бунтарей, а продолжал все требовать свержения вельмож-бояр и просил власти вмѣстѣ с царем.

Вот как было за тридевять земель, в тридесятом царствѣ, не в нашем государствѣ.

Бомба.

Скорѣй.

Терпѣнья не стало!.. И русскій народъ
Не хочетъ нести безусловно
Цѣпей ненавистнаго рабства, невзгодъ,—
И вотъ онъ встаетъ поголовно.

* * *

Встаетъ для защиты дѣтей своихъ, женъ,
Въ защиту свободы желанной,—
И пусть казаками вездѣ окруженъ,
Онъ биться готовъ неустанно...

* * *

...Теперь, что ни день, намъ газеты несутъ
Ужасныя грустныя вѣсти:
Драгуны, казаки пощадъ не даютъ,
Исполнены яростной мести.

* * *

По селамъ нищаютъ... всѣхъ давитъ нужда...
Фабричный безъ средствъ остается,
Вь такое горячее время, когда
За жизнь и свободу онъ бьется.

* * *

Товарищи!.. Помощь, поддержка нужна,
Тамъ голодъ, тамъ терпятъ невзгоду,—
Не будемъ же скупы... скорѣе должны
Помочь мы родному народу!..

— Слушай, раз ты обѣщал сдѣлать для меня что-нибудь, то неправда-ли, ты обязан исполнить свое обѣщаніе?

— Ну, теперь, друг мой, не так: обѣщать-то я тебѣ и пообѣщаю, если ты пристанешь, как с ножом к горлу, а немного ты успокоишься от этого обѣщанія, обѣщаніе-то можно и назад взять.

НАШЕМУ ЖУРНАЛИСТУ.

„Гапон в Россію вовзратился!
Хватайте, милые, его!
Хотя он сильно измѣнился,
Узнать не стоит ничего:
„Из смушек шапка небольшая,
Доха прекрасная на нем,
Бородка малая-такая,
Сверкает острый взгляд огнем".
С таким призывом обратился
Суворин къ сотнѣ, и за-то
Тотчас же он преобразился
В песочно-желтое пальто.

Лохматый.

* * *

— Что вы думаете о временных правилах от 24 ноября?

— Думаю, что они опять рѣшили наложить на печать печать молчанія.

Мы.

МАЛЕНЬКІЯ ПИСЬМА.

Не понимаю, чего только волнуются эти наши, простите за выраженіе, ревалюціонеры?! кричат, перевернуть вверх дном все государство хотят. Лѣзут на штыки, подставляют свои упрямыя башки под пушки, пулеметы, ружья. Вот, по истинѣ, упрямство, достойное лучшей доли.

Да из-за чего главным образомъ они, эти революціонеры, волнуются, из-за чего лѣзут на стѣну?! Ну, предположим, тебѣ скверно жить: и работаешь ты двадцать пять часов в сутки, и за этот нѣсколько продолжительный труд получаешь гроши, и правовое твое положеніе отчасти неудовлетворительно. Хорошо, начальство это видит и с удовольстіем придет тебѣ на помощь: и полчасика или даже цѣлый час сбросит в работѣ, и процента два накинет на заработную плату, и пообѣщает улучшить твое правовое положеніе.

Только зачѣм же волноваться? Революціонеры говорят, что только волненіями, забастовками они «вырвали» нѣкоторыя улучшенія, нѣкоторыя обѣщанія. Смотрите пожалуйста, какіе силачи выискались!

Врете вы, господа революціонеры, не вырвали вы у начальства ничего, а все «даровано» было им. А потом, какіе эти революціонеры нетерпѣливые! Не могли потерпѣть еще немного, и все было бы даровано им безо всяких забастовок, волненій. Обо всѣх их нуждах само начальство давно уже позаботилось: всюду были организованы всевозможныя комиссіи для выработки новых правил.

Возьмите хоть тѣ же экономическія требованія Ростовскаго полка: всѣ они были предвидѣны начальством; оно так чутко прислушивалось к нуждам солдат и так зорко слѣдило за их бытом, что само заранѣе выработало тѣ всѣ экономическія требованія, какія могли только предъявляться солдатами. И что же? всѣ их требованія были удовлетворены; улучшенія были бы произведены и так, со временем только, а солдаты не подождали и взбунтовались. И этим оскорбили только командующаго полком. Развѣ начальство не печется о своих подчиненых? вѣдь всегда начальство оказывает милости.

И всюду так. О чем только заикнется народ, все сейчас же даруется ему или обѣщается. А потому что все это уже заранѣе было предусмотрѣно начальством. Забастовали почтово-телеграфные служащіе—оказывается, начальство уже рѣшило улучшить их положеніе. Требуют государственной думы с правами законодательными и со всеобщим голосованіем—оказывается, об этом уже давно поднят вопрос самим правительством.

Зачѣм же тогда забастовки? Онѣ потрясают государственный организм. А без забастовок начальство и так даровало бы свои милости. Только слѣдовало бы подождать нѣсколько... ну, так, два-три поколѣнія. Не больше.

П. О. Д. Суворин.

Изъ хрестоматіи.

Русскія долины
Всѣ горятъ въ огнѣ;
Бѣдныя деревни
Дремлятъ въ тяжкомъ снѣ...
Мрачно въ нихъ, убого...
Мертвецы... Кресты...
Подожди немного:
Встанешь, Русь, и ты.

Мы.

* * *

— Ну, мужичек, тебѣ теперь печалиться нечего: манифестом выкупные платежи отмѣнены.

— Слава тебѣ, Господи! Землицы бы еще вот!

— И земля будет. Купит вам банк землю, а деньги за нее вы будете вносить в теченіе пятидесяти-шестидесяти лѣт в банкъ.

— Что-то не пойму я тебя: то говоришь—выкупные платежи отмѣнены то за землю опять придется платить выкупные. Чепуха какая-то!

Я.

* * *

Настоящаго самодержавія у нас давно уже нѣт, потому что еще императоръ Николай I истинными самодержцами Россіи называл разных dii minores.

Я.

Рыцарь безъ страха и упрека

Сим побѣдиши!!!

Бѣгство заграницу бюрократовъ
съ россійскими капиталами.

— Эй, милые, перепрыгивайте скорѣй, а поклажу-то задержать придется!..

ТЕЛЕГРАФНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

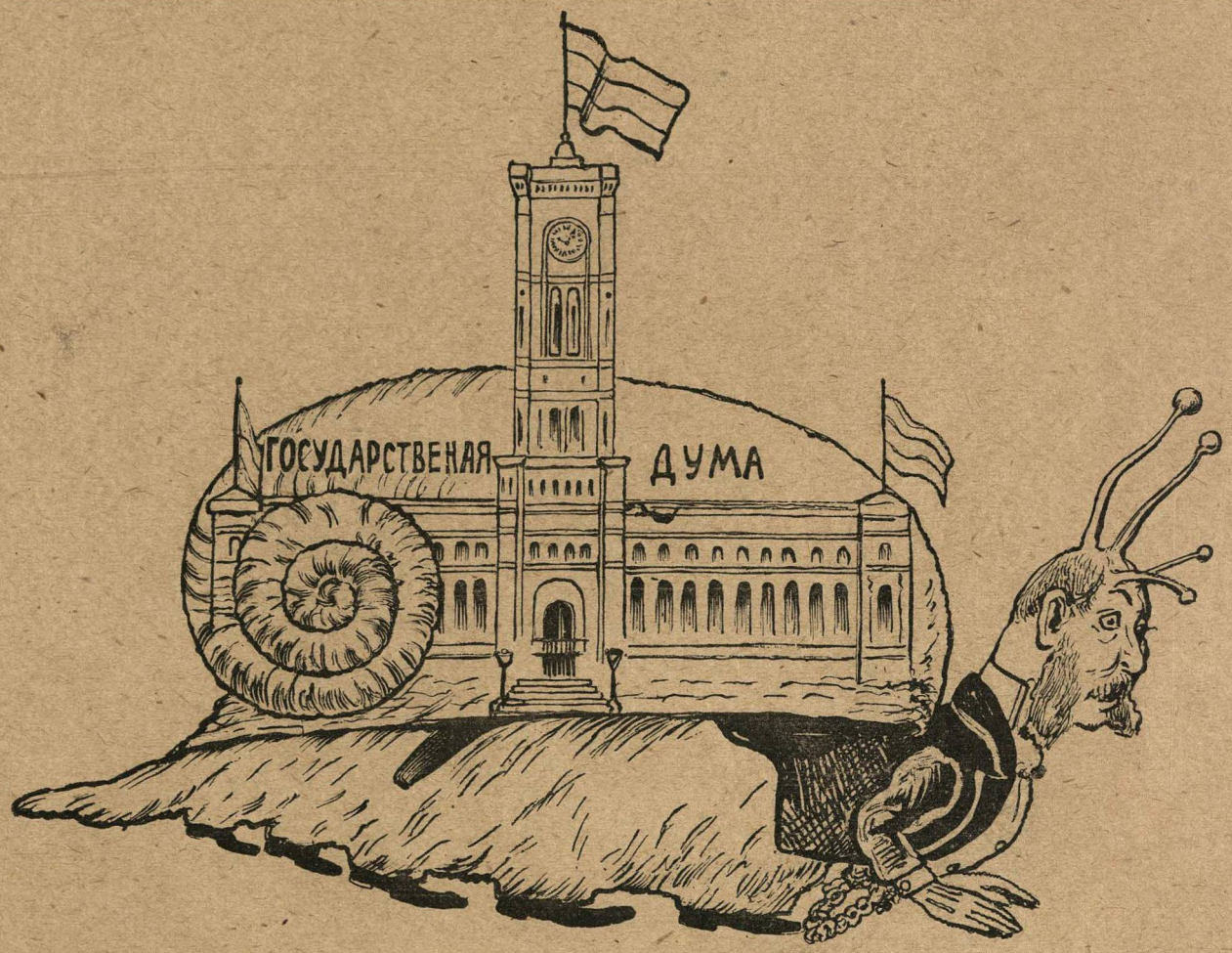
Берлин, 9 (22) декабря. Сегодня прибылъ вагонъ съ очень цѣннымъ имуществомъ, спасаемымъ отъ грандіознаго пожара, охватившаго всю Россію. Вагонъ этотъ не первый и далеко не послѣдній. Шлите побольше — мы сбережемъ.

ПО ТЕЛЕФОНУ.

Изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ передаютъ, что генералъ-майоръ Дедюлинъ оказался, по освидѣтельствованіи, законнымъ сыномъ и правопріемникомъ Трепова по своей дѣятельности: онъ такъ же, какъ и недоброй памяти авторъ извѣстнаго изреченія: „Патроновъ не жалѣть“, принимаетъ самыя строгія мѣры противъ публичныхъ собраній и митинговъ. (*Собств. кор.*)

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Уж проснуться пора:
Вѣдь, всѣ братья твои
Поднялися давно.
Встань, очнись, распрямись,
Да вокруг погляди:
На кого ты похож
И что есть у тебя?
Нѣт земли ничего
На всю семью твою
И хозяйство твое
Пошатнулось давно.
Коровенку за долг
К себѣ барин увел,
И дѣтишкам своим
Молочка уж не дашь.
Лошадь сам ты продал,
Уплатить чтоб оброк;
Как же будешь теперь
Ты работать без ней?



ПОСЛОВИЦЫ.

1. Кто пороть горазд, тому не пропасть.
2. С нагайки начинай, штыком кончай.
3. Без нагайки ни до порога, а с нагайкой хоть крестьянъ успокаивать.
4. У двух правительств народ без глаза.
5. Всѣ подъ нагайкой ходимъ.
6. Кто Бога не боится, тот и в своих братьев стрѣляет.
7. Богъ на небѣ, флигель-адъютанты на землѣ.
8. Хозяин труды любит.
9. Свобода—мать пороков.
10. Свободное слово до тюрьмы доведетъ.

Осколок от бомбы.

А священник твердит:
«Это Бог наказал!»
Но послѣдній, вѣдь, грош
С тебя сам он забрал.
Прижимает тебя
Добрый земскій-отец,
И совсѣм ты в руках
Мужика-кулака.
Сыновей же твоих
Обучают стрѣлять,
Чтоб тебя же потом
Было кѣм усмирять.

Ну, вставай же, мужик!
Просыпаться пора,
Сдернуть пелену с глаз
И ожить всѣм зараз!

Будет гнуться в дугу!
Требуй воли себѣ
И земли и всѣх прав!
Покажись-ка врагу!

Версификатор.

На лужайкѣ.

Село Голодное расположено двумя порядками, сходящимися под углом. В этом углу была большая, окруженная ракитами, лужайка. Здѣсь, на лужайкѣ, не было совсѣм никаких домов; как будто лужайка была спеціально предназначена для игр.

И дѣйствительно, лѣтом, лишь только кончался тяжелый трудовой день, лужайка оглашалась смѣхом и весельем.

Едва успѣв перехватить дома кусок хлѣба или поѣв щей с кашей, парни и дѣвки собирались на лужайкѣ, пѣли пѣсни, водили хороводы.

Смѣх и пѣсни не прекращались тут далеко за полночь, чуть ли не до солнечнаго восхода, когда прогулявшіе всю ночь парни и дѣвки должны были снова приниматься за обычную работу, не отдохнув почти совсѣм.

Но от этого веселье на лужайкѣ ничуть не теряло своего характера.

Сколько пар слюбились, сговорились на этой лужайкѣ и потом с любовью вспоминали про нее, шествуя дружно вдвоемъ по трудному жизненному пути.

И днем не бывала свободна лужайка.

Только публика на ней была другая: дѣти всѣх возрастов цѣлый день до вечера наполняли ее своими криками, играми и бѣготней.

И никто не запрещал им играть на лужайкѣ, никто не вмѣшивался в их игры.

Так тихо и мирно жила лужайка...

...У крестьян села, прилегавшаго к лужайкѣ, вышло недоразумѣніе с окрестным помѣщиком. Недоразумѣніе из-за земли и недоразумѣніе довольно крупное.

Помѣщик был тоже довольно крупный, вліятельный, и в результатѣ на лужайкѣ стояли два взвода казаков.

Прямо против казаков были выстроены крестьяне взбунтовавшагося села. Между казаками и крестьянами дрожащія мѣстныя власти и мѣстный диктатор-генерал. За деревьями испуганныя лица баб и дѣвушек.

— Семен Иванов!—выкрикивал по списку урядник.

Семен Иванов выходил, кланялся начальству, спускал невыразимыя и получал должное.

— Игнат Зайцев!—выкрикивал урядник.

Игнат Зайцев выходил, кланялся начальству, спускал невыразимыя и получал должное.

— Петр Лаптев!—выкрикивал урядник.

Петр Лаптев, пятидесяти слишком лѣтній старик, выходил, кланялся начальству, спускал невыразимыя и получал должное.

А бабы, дѣвки, ребята со страхом и ужасом смотрѣли, как пороли их отцов, дѣдов, сыновей, братьев. И горькія слезы струились по их лицам...

...Уѣхали казаки, уѣхал диктатор, уѣхало начальство...

...Через недѣлю-двѣ жизнь опять вошла в свою обычную колею. Трудились цѣлыми днями, голодали, холодали. Ничего не измѣнилось в жизни крестьян.

Измѣнилась только лужайка: нѣт на ней смѣха, веселья взрослой молодежи по вечерам.

Дѣти боятся и заглядывать на нее, а молодежь, когда приходится проходить по лужайкѣ, плюет и крестится, ускоряя шаги.

Только ракиты печально покачивают своими вѣтвями.

Проклятая лужайка!

Да еще у мужиков лица сдѣлались задумчивѣе, хмурѣе.

Третій.

* * *

— Неужели и теперь не будет дано земли крестьянам?

— А что?

— Да развѣ вы не слышите, как кричат о ней крестьяне Саратовской, Тамбовской и Черниговской губерній? Неужели и эти крики не будут услышаны?

Мы.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Среди всеобщаго смятенья,
Вражды, безправія и смут
Грѣшно таить души волненья,
Терпѣть несправедливый суд.

Довольно крови и насилья!
Одѣлась в траур вся страна
И опустила робко крылья,
Недоумѣнія полна...

Но близок час.. Пылая мщеньем,
Как лава, кинется она,
И все сметет с ожесточеньем
Ея могучая волна...

Пусть будет так! Не будь печален,
Повѣрь великим именам,
Что на камнях святых развалин
Народ воздвигнет лучшій храм...

И знамя водрузит свободы,
Как символ правды наших дней,
Среди ликующей природы
Освобожденный Прометей!..

— А Дурново-то, говорят,
Не брезгует и малыми кушами?
— Ну, Александр Стахович, вѣдь, его
Прекрасно кормит кукишами.

Брызга.

* * *

— Как можно сдѣлать призыв к насилію и не попасть за это на скамью подсудимых?

— Это можно сдѣлать косвенным путем—заявить вовсеуслышаніе, что, если будет произведено насиліе, ты не будешь в состояніи оказать своевременное содѣйствіе к водворенію порядка.

* * *

— Ты-то что это вздумал идти в добровольцы на почту?

— Да надо потрудиться на пользу отечества, а то не кому разносить подметныя письма нашей черной сотни.

Сам.

Изданіе Н. Васина. Типо-литографія и переплетная М. Кинеловской, Москва, Арбатъ, д. Титовой.

Микула Селянижовичъ *трожулся!!!*

„У каждаго крестьянина
Душа, что туча темная:
Гнѣвна, грозна... и надо-бы—
Громамъ греметь оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ..."
(Некрасовъ).